

А.В. Вышеславцев

**Очерки пером и карандашем из
кругосветного плавания**

в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.В. Вышеславцев**
Очерки пером и карандашем из кругосветного плавания: в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах / А.В. Вышеславцев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 644 с.

ISBN 978-5-517-96848-7

ISBN 978-5-517-96848-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

кварталь. — Китайскій городъ. — Индусская пагода. — Вечеръ. — Чудная ночь. — Рисованіе съ натуры. — Обитатели Сингапура. — Жонглеры. — Театръ индусовъ. — Мангустаны. — Окрестные острова. — Приютъ разбойниковъ. — Вампоа и его дача. — Малайскій кварталъ. — Тигръ. — Китайскій храмъ. — Недостатокъ женщинъ 108

ГОНЪ-ЖОНГЪ.

1) Городъ Викторія. — Ночь и гроза. — Прогулка по городу. — Китайцы. — Цирюльникъ. — Парси. — Small feet. — Дѣти. — Обѣдъ у Боуринга. — Куперъ. — 2) Чу-Кіангъ. — Тигрова пасть. — Столкновение. — Newtown. — Доки. — Кладбище. — Гробницы. — Китайское хозяйство. — Воздѣлываніе риса. — Наша жизнь въ Вампоа. — Рабочіе. — Шампанки. — Чинъ-чинъ. — Воры. — Непріятная картина. — Бѣглецы. — Болѣзни. — Тайфуны. — Что дѣлается въ Кантонъ. — 3) Ю-Хау. — Прогулка по Вампоа. — Чайныя лавки. — Площадь. — Табачныя лавки. — Опій. — Краткая исторія миссіонерства въ Китаѣ. — Китайскій пѣвецъ. — Вечеръ 165

ОТЪ БУХТЫ СВ. ВЛАДИМИРА ДО АМУРА.

Формоза. — Манчжурскій берегъ. — На мели. — Бухта Св. Владиміра. — Ея жители. — Тихая пристань. — Императорская гавань. — Кладбище. — Орочи. — Жень-шень. — Ледъ. — Сахалинъ. — Каменноугольныя копи. — Заливъ Де-Кастри. — Амурскій лиманъ. — Амуръ. — Николаевскъ. — Оптимисты и пессимисты. — Николаевское общество 237

ИЗЪ ЭДДО.

Тайфуны. — Рыбаки. — Юкагава. — Эддо. — Чиновники. — Прогулка по городу. — Народъ. — Процессіи. — Хара-кири. — Обѣдъ. — Нипонъ-басъ. — Религія японцевъ и ихъ храмы. — Осиро. — Побіеніе камнями. — Торжественный въздъ графа Муравьева. — Землетресеніе. — Японскія лавки. — Японская възлывость. — Женщины. — Гора золотого дракона. — Трагическое происшествіе въ Юкагавѣ. — Озіо и японскіе эпикурейцы. 279

ТИХІЙ ОКЕАНЪ.

1) Сандвичевы острова. — Лошадиная широта. — Diamond-hill и Punch-boll. — Рыбы. — Миссіонеры. — Гонолулу. — Канаки. — Общество въ Гонолулу. — Похороны. — Милиція. — Казнь. —

Вайкики. — Долина Евы. — Пали. — Хула-хула. — Камемеа IV. 2) Таити. — Впечатлѣніе острова. — Помаре. — Папейти. — Хлѣбное дерево. — Школы. — Поеа. — Роскошь тропической природы. — Палеурири. — Хижина и пѣвцы. — Папара. — Фатауа. — Балъ въ Hôtel de ville. — хупа-Хупа. — Королева Помаре. — Эймео. — Бухта Папетуай. — Еще разъ Таити. 364

ОТЪ ТАИТИ ДО БУЭНОСЪ-АЙРЕСА.

Магеллановъ проливъ. — Мерсу. — Playa-granda. — Мысъ Froward. — Punta Arenas. — Гуанаки. — Монтевидео. — Испанки. — Прогулка за городомъ. — Пароходъ „Монтевидео“. — Краткій очеркъ исторіи лаплатскихъ республикъ. — Буэносъ-Айресъ. — Площадь Викторія. — Гаучо. — Саладеро и Матадеро. — Дворецъ Росаса. — Мѣстечки Бельграно и Исидоре. — Новый президентъ Бартоломео Митре. — Сазцела. — Общество въ Монтевидео. 454

БРАЗИЛІЯ И ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

Корветъ и клиперъ. — Памперосъ. — Островъ Св. Екатерины. — Рио-Жанейро ночью и днемъ. — Ботофого. — Тижучо. — Негры и желтая лихорадка. — Поездка въ Петрополисъ. — Итамарати — Playa grande — Религіозная процессія. — Донъ-Педро II. — Бахія. — Нижній городъ и верхній городъ. — Публичный садъ. — Бомфинъ. — Маскарадъ. — Взрывъ „Пластуна“ . . . 536

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ.

Море и небо. — Прощаніе съ Шербургсмъ. — Мадера. — Первая прогулка. — Мадера — госпиталь Европы. — Salto cavale. — Аріеры. — Монастырь на горѣ. — Сани. — Camera de Lobos. — Валъ вечеромъ. — Большой Кураль и Малый Кураль. — Тенерифъ. — Теорія Вуха. — Санта-Круцъ. — Ученый Бертело. — Вильямсъ и его яхта. — Маскарадъ. — Тенерифскій пикъ. — Острова Зеленаго-Мыса. — Нарантинъ. — Штиль. — Акула. — Свѣченіе моря. — Переходъ черезъ экваторъ. — Островъ вознесенія. — Джоржъ Туанъ. — Черепахи. — Опять море.

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht...

Мы въ морѣ, въ океанѣ. — наконецъ!... Кругомъ вода и небо, земля исчезла. Я испытываю знакомое ощущеніе. Какъ будто вырвался изъ душнаго города въ чистое поле, въ степь; мнѣ стало такъ легко, такъ весело, я вздохнулъ такъ свободно, когда клиперъ вынесъ насъ на всѣхъ парусахъ изъ Ламанша въ Атлантическій океанъ. Плимуть, виднѣвшійся вдали, былъ послѣднимъ европейскимъ городомъ, мысъ Лизардъ — послѣднимъ европейскимъ берегомъ.

«Море и небо, и больше ничего,» говорили прежніе мореплаватели, гадательно смотря въ неизвѣстную даль, гдѣ линія морскаго горизонта сливается съ небомъ. Область изслѣдованнаго и узнаннаго была тогда очень ограничена, и нужна была отвага, почти героизмъ, чтобы довѣриться

безпалубному судну и прихоти вѣтровъ и погоды. Тогда глубь моря населалась левиаѳанами и морскими змѣями, воображеніе до того настраивалось вѣчнымъ ожиданіемъ чудеснаго, что нѣкоторые дѣйствительно видѣли и описывали этихъ змѣевъ, составляли объ этомъ акты за подписью всего экипажа, для совершенной достовѣрности показаній; видѣли за Азорскими и Канарскими островами неясные берега западнаго материка, которые предчувствовались, которые надобно было создать... Изъ-за туманной линіи горизонта вставали новыя созвѣздія; находящіяся въ зенитѣ — уходили назадъ. Тихо, шагъ за шагомъ, расширялась область опыта и знанія; фантастическій берегъ западнаго материка сталъ дѣйствительностью, океанъ уподобился долинѣ, форму которой, какъ двѣ параллельно идущія цѣпи горъ, обозначили параллельные берега противоположныхъ материковъ, начиная съ 10° южн. шир., выпуклость Бразиліи противъ Гвинейскаго залива и выпуклость Африки противъ Антильскаго моря. Болѣе подробное изученіе береговъ и материка расширило кругъ дѣятельности европейскихъ народовъ, и успѣхи, превзошедшіе ожиданія, увеличили энергію и жажду наблюдательности. Усовершенствованіе астрономическихъ инструментовъ доставило мореплавателю много твердыхъ точекъ опоры; путь его обезпеченъ отъ случайностей, и твердымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ.... Диковинные образы, фантастическія страны, населенныя гениями, исчезли, и вся туманная даль прояснилась и прочистилась.

Нарушеніе равновѣсія воды въ океанѣ вызвало наблюденія, которыя повели къ опредѣленію движенія, зависящаго отъ вѣтровъ, частію правильныхъ, частію непостоянныхъ; опредѣлилось движеніе, зависящее отъ вліянія луны и солнца, и, наконецъ, движеніе, производящее пеласгическія теченія; приливы и отливы наблюдались въ портахъ, между тѣмъ какъ законы морскихъ теченій добывались

далекими плаваніями, для совершенія которыхъ нужна была сила подвига и вдохновенія. Колумбъ первый замѣтилъ кругообращающійся экваторіальный потокъ, движущійся между поворотными кругами отъ востока на западъ. Движеніе это онъ сравнилъ съ движеніемъ неба (т. е. съ кажущимся движеніемъ солнца, луны и звѣздъ). Какъ оживляютъ долину быстро несущіяся рѣки, такъ точно теченія, узкіе потоки, бороздятъ море, неся теплую воду въ высшія широты, а холодную въ низшія. Главная изъ такихъ рѣкъ, Ниль Атлантическаго океана — знаменитый *gulf-stream*, замѣченный еще въ XVI вѣкѣ Ангieroй. Начинаясь съ юга близъ мыса Доброй Надежды, стремится онъ черезъ Антильское море и Мексиканскій заливъ въ проливъ Багамскій; потомъ, направляясь отъ SSW къ NNO, отдаляется отъ береговъ, и, повернувъ на О, у Ньюфаундлендской банки, часто выбрасываетъ къ берегамъ Ирландіи сѣмена тропическихъ растений. Его теплыя воды умѣряютъ холодъ Скандинавіи и освобождаютъ Бѣлое море отъ вѣчныхъ льдовъ. Ему же мы обязаны первымъ движеніемъ иностранной торговли у береговъ Россіи, въ Архангельскѣ. Другой рукавъ его идетъ отъ Ньюфаундлендской банки на югъ. На мѣстѣ раздѣленія двухъ потоковъ простирается огромная отмель морскихъ водорослей (*fucus*), названная прежними плователями *лугомъ изъ водорослей*. Безчисленное множество морскихъ животныхъ обитаетъ въ этихъ вѣчно зеленѣющихъ массахъ (*fucus natans*). Какъ испытатели материка нашли формы растительности, общія всѣмъ климатамъ, начиная отъ вѣеровидныхъ пальмъ до злаковъ, мховъ и лишеновъ, и опредѣлили законы географическаго распределенія флоры, такъ испытатели морей, на глубинѣ, равной высотѣ величайшихъ горъ, находили лежащія другъ на другѣ слои воды, оживленные разными инфузоріями, морскими червями, циклидіями и офридинами. Они замѣтили вліяніе постепенно уменьшающейся температуры (различное

въ тропикахъ и внѣ поворотныхъ круговъ) на миграцію и географическое распространеніе морскихъ животныхъ.

Удивленіемъ и безотчетнымъ восторгомъ поражали прежнихъ путешественниковъ свѣтящіяся волны океана, блистающія огнемъ и брилліантами, въ тишинѣ тропической ночи. Микроскопъ объяснилъ фактъ и еще болѣе расширилъ кругозоръ безконечнаго разнообразія жизненныхъ формъ и явленій. Для современнаго плователя океанъ можетъ быть богаче органическою жизнью, нежели какая-либо земная полоса. «Лѣса, по выраженію Карла Дарвина, не скрываютъ въ себѣ столько животныхъ, сколько расплодилось ихъ въ низменной лѣсной странѣ океана: длинные водоросли пускаютъ свои корни на отмеляхъ; вѣтви ихъ, оторванныя волнами и теченіемъ, свободно плаваютъ и развертываютъ на морской поверхности свою нѣжную зелень, поднимаемую воздушноносными клѣтками.»

Отъ водянаго слоя переходя къ воздушному, пытливыя поколѣнія также нашли новые законы. Термометръ, барометръ, гигрометръ и проч. надѣляли массами данныхъ, изъ которыхъ выводились смѣлыя заключенія и подводились огромные итоги. Въ законѣ движенія вѣтровъ найдена причина многихъ процессовъ, совершающихся въ воздушномъ океанѣ.

Различіе температуры мѣстъ, лежащихъ близъ экватора и около полюсовъ, поражаетъ два противоположныя теченія воздуха въ высшихъ странахъ атмосферы и на поверхности земли. По причинѣ различной быстроты кругообращенія пунктовъ, лежащихъ ближе къ полюсу или ближе къ экватору, воздухъ, текущій отъ полюса, отклоняется на востокъ; экваторіальный — на западъ. Отъ борьбы этихъ двухъ теченій, отъ мѣста низшествія высшаго потока, отъ переменнаго вытѣсненія одного теченія другимъ зависятъ величайшія явленія воздушнаго давленія, нагрѣванія и охлажденія воздушныхъ слоевъ, и даже образованіе облаковъ и формы ихъ. Эти явленія объяснили пассаты.

Успѣхи климатологіи довели до опредѣленія изотермическихъ линій; открытія въ областяхъ электромагнетизма опредѣлили географическое распространеніе грозъ.

Еще прежде важныхъ завоеваній въ области силъ и законовъ природы, Старый Свѣтъ устремился черезъ океанъ на новый материкъ. Тамъ вырастали новыя государства, завязывались и запутывались новые узлы, разрѣшаясь страшными драмами. Сколько записала исторія кровавыхъ страницъ съ того времени, какъ переплыло въ Новый Свѣтъ первое судно Колумба!... Родился Вашингтонъ, подарившій свободу цѣлой обширной странѣ и основавшій на прочныхъ началахъ независимое государство.... Какъ поразительныя явленія громадныхъ вулкановъ Новаго Свѣта дали новое направленіе наукѣ, объяснили менѣе рѣзкія и непонятныя вулканическія явленія Европы, такъ точно новыя гражданскія отношенія этого новаго міра, перенесенныя въ старыя, пробудили страсти и дали толчокъ мысли, задремавшей подъ гнетомъ преданія. Волны Атлантическаго океана несли Лафайета во Францію; по Атлантическому океану стремились суда въ далекую Индію, начиная отъ корабля Васко де-Гамы до нашего клипера *Пластуна*, разсчитывающаго, какъ по пальцамъ, когда онъ обогнетъ прежде страшный мысъ Буръ, когда встрѣтитъ пассатъ.... Океанъ пережилъ время чудеснаго и таинственнаго, пережилъ и время своей силы и могущества и сталъ теперь широкою большою дорогою.... Человѣчество, развившись у береговъ Средиземнаго моря, искало за предѣлами Геркулесовыхъ столбовъ болѣе обширной дѣятельности. Побѣдивъ Атлантическій океанъ, оно обжило и на немъ. Какъ Средиземное море сдѣлалось внутреннимъ озеромъ, и прежде живыя его колоніи: Тиръ, Карфагенъ, Венеція и т. д., развалинами своими оживляютъ берега его, такъ Атлантическій океанъ сталъ Средиземнымъ моремъ, тоже съ своими Геркулесовыми столбами, — съ мысомъ Горномъ и мысомъ Доброй

Надежды, — за предѣлы которыхъ манить теперь еще болѣе обширное море.... И близко то время, когда Великій океанъ будетъ великимъ Средиземнымъ моремъ. Онъ ожидаетъ цивилизація на свои безчисленные острова, на разбросанные материкъ, на сцену своей роскошной природы.

Изъ этого вы можете заключить, что переходъ нашъ отъ Шербурга до мыса Доброй Надежды никакъ не можетъ назваться путешествіемъ. Мы просто ѣхали, какъ ѣхалъ Василій Ивановичъ изъ Москвы въ Мордасы; ѣхали тоже по безпокойной дорогѣ и также заѣзжали на станціи, изъ которыхъ первая была островъ Мадера, другая — Тенерифъ, третья — Сан-Яго и четвертая — островъ Вознесенія. 29-го ноября задымила наша эскадра на шербургскомъ рейдѣ. День былъ очень хорошій; бѣлый паръ густыми клубами высканивалъ изъ трубъ, расходился и сливался въ одну массу, которая густымъ облакомъ разстилалась надъ городомъ. Всѣ были въ довольно-грустномъ расположеніи духа. Не смотря на короткій срокъ, мы уже нѣсколько обжились на мѣстѣ, попривыкли; у всѣхъ завелся знакомые и знакомки. Обычныя наклонности проявились въ каждомъ: кто вздыхалъ по образовавшейся сердечной склопности; кому не хотѣлось оставлять обогрѣтаго угла; кто жалѣлъ о завтракахъ, гомарахъ и *frommage de Bru*, съ устрицами; кто боялся предстоявшихъ качекъ и непогодъ. Я стоялъ у планширя и думалъ о вчерашнемъ, послѣднемъ вечерѣ. Мы были въ театрѣ, гдѣ играли какую-то комедію: Дюкурти (Du Courty) смѣшилъ насъ до упада. Въ антрактахъ глаза наши разбѣгались по балконамъ и ломамъ. Тамъ, между газовыхъ платьевъ, разноцвѣтныхъ лентъ и затѣйливыхъ куафюръ, командиръ бразильскаго корвета, мужчина съ черною бородою и энергическимъ выраженіемъ лица, любезничалъ и рисовался, возбуждая наше одобреніе и отчасти зависть. Онъ входитъ въ ложу г. В. и садится около его жены такъ свободно, какъ будто у себя въ кабинетѣ;

онъ смотритъ ей въ глаза, громко смѣется, наклоняется къ ней. А она?... Ея взглядъ суровъ, сдержанъ; черты лица покойны; ротъ (прекрасный, съ нѣжными очертаніями губъ) сжатъ; цвѣтъ кожи матовый; лебединая шея связываетъ молодую головку съ роскошнымъ бюстомъ. Въ лицѣ у нея есть что-то особенное, и въ ней много породы. Она съ виду сурова, но въ тонкихъ чертахъ лица ея можно уловить выраженіе нѣжности; а взглядъ ея, по мнѣнію нашихъ вздыхателей, если она захочетъ кого подарить имъ, можетъ прожечь насквозь. Я вспоминалъ вмѣстѣ и о другой женской фигурѣ: въ клубахъ вылетающаго пара рисовалась передо мной четырехугольная зала, съ темнопунцовыми драпировками на нишахъ. Среди залы, на пьедесталѣ, стояла безрукая, вѣроятно, бѣлокурая, тысячелѣтняя красавица.... Въ ней особенно хороши поворотъ головы и кроткій взоръ, бросаемый изъ полуоткрытыхъ рѣсницъ. Я вспомнилъ, какъ я сидѣлъ на одномъ изъ красныхъ дивановъ залы; направо, въ дверяхъ, выглядывала колоссальная Юнона; но я не смотрѣлъ на нее, а не сводилъ глазъ съ милосской красавицы, какъ будто хотѣлъ увидѣть въ ней что-нибудь еще больше того, что даетъ она... И странно, что красота ея не поражала, но какъ-то привязывала, приголубливала.... Годы бы, кажется, просидѣлъ здѣсь, только бы видѣть это доброе, прекрасное лицо, этотъ кроткій, ласкающій взглядъ. Какое сравненіе съ прежнею луврскою царицей, извѣстною Діаною!... Та, точно петербургская дама, взглянетъ гордо, холодно; да еще стоитъ она теперь, невозмутимая, въ сосѣдствѣ Марсіа, съ котораго сдираютъ кожу....

Воображеніе мое понеслось бы дальше, если бы команда: «всѣхъ наверхъ, съ якоря сниматься!» не заставила очнуться. Въ послѣдній разъ я взглянулъ на Шербургъ, когда уже вивтъ шумѣлъ, и эскадра наша, корветъ за корветомъ, клиперъ за клиперомъ, оставляя за собою длинныя черныя

струи дыма, быстро шла въ море: дымъ скрылъ за собою и городъ, и берегъ.

Въ первые дни плаванія мы отдѣлились отъ эскадры; океанъ встрѣтилъ насъ сѣренькою погодою и качкой. Волны его двигались какъ-то равномерно, въ тактъ; иногда шелъ дождь, было сыро и съ непривычки довольно непріятно. На осьмой день, въ ночь, погода «засвѣжѣла», волненіе стало сильное. Клиперъ, переваливаясь съ бока на бокъ, трещалъ своими переборками. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ размахи его увеличивались, какъ волна сильными ударами разбивалась о бортъ. Отъ качки я безпрестанно сползалъ съ постели и никакъ не могъ приловчиться, чтобы снова уснуть. Изъ сосѣднихъ каютъ слышались по временамъ тревожные вопросы, какъ вдругъ топотъ на палубѣ раздался какъ-то особенно громко: разбило вельботъ, висѣвшій на боканцахъ. Какъ ни интересно подобное приключеніе, я однако не вышелъ наверхъ, а упорно пролежалъ въ койкѣ до утра, не заснувъ, впрочемъ, ни на минуту. Я былъ въ выигрышѣ, потому, во-первыхъ, что не измочился, во-вторыхъ, провелъ безсонную ночь собственно отъ бури, среди океана. Цѣлый день волненіе не унималось, хотя вѣтеръ стихъ съ утра. Волненіе океана величественно, движеніе волнъ правильно и однообразно; какъ будто гдѣ-то глубоко скрыта, но присутствуетъ его сила, и на поверхности водъ является только ея признакъ. Клиперъ легко взлеталъ на воздымавшіяся горы, и, стремительно падая въ разверзавшіяся ямы, снова приподнимался, гордо неся свои паруса на гнувшихъ стеньгахъ, на гудящихъ, какъ струны эловой арфы, снастяхъ. Къ вечеру небо прочистилось, солнце стало пригрѣвать промокнувшую команду. И вотъ, на бакѣ раздался звукъ бубна и хоровая пѣсня, топотъ трепака... Это развеселитъ хоть кого; развеселитъ, конечно, не самая пляска, но энергія, бодрость и живость нашихъ матросовъ. При этомъ замѣчу, что нигдѣ солнце